

DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04

ПОПУЛИЗМ И ЭЛИТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ

Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин

ПАИН Эмиль Абрамович, доктор политических наук, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: rainea@mail.ru; **ФЕДЮНИН Сергей Юрьевич**, докторант Центра европейских и евразийских исследований, Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж (Франция), email: sergei.fedunin@inalco.fr

Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи. — Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 33–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.04>

Статья подготовлена в рамках исследования по гранту Российского научного фонда (проект № 15-18-00064) в РАНХиГС.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2018. Принята к печати: 24.10.2018

Аннотация. В связи с ростом влияния популистских движений и настроений в разных странах и регионах мира популизм в последние годы стал одним из ключевых объектов изучения политической науки. Однако применительно к российскому кейсу исследования этого явления пока что остаются крайне редкими и несистематическими. В статье предпринимается попытка преодолеть ряд спорных трактовок популизма, рассматривающих его как сугубо риторический феномен и обращающих недостаточное внимание на его содержательную роль в политическом процессе. Анализ наиболее влиятельных подходов к определению сущности популизма позволил авторам предложить собственное понимание данного явления в российском обществе, сочетающее идейный и мобилизационный подходы. Опираясь на политическую теорию, а также межстрановые сравнения и эмпирические данные, исследователи рассматривают действия ключевых политических акторов в современной России, характеризуемых, по преимуществу, как популистов. Авторы впервые поднимают вопрос о взаимосвязи между двумя видами современной демагогии, а именно популизмом, основанном на заигрывании с “народом”, и элитизмом, выражающим (в той или иной форме) презрение к “народу”, и приходят к выводу, что в России наибольшую проблему представляет именно элитизм в двух его разновидностях – “патерналистской” и “снобистской”. Авторы считают, что популизм не следует расценивать как исключительно негативное явление, он может иметь позитивные последствия как в странах с либерально-демократическим режимом, так и в странах с отсутствующей или крайне слабо проявленной демократической культурой. Поэтому популизм более продуктивно рассматривать в качестве “упрощенного” представления о демократии. Именно в этом качестве он может способствовать массовому усвоению базовых демократических ценностей в условиях, когда политический плюрализм существенно ограничен, идеологические предпочтения населения низко дифференцированы, а гражданское общество неразвито.

Ключевые слова: Россия, популизм, элитизм, демократия, авторитаризм.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ПОПУЛИЗМ?

Из маргинального явления популизм превратился в один из ключевых объектов изучения политической науки. Это связано с небывалым, практически планетарным распространением движений и настроений, определяемых как

“популистские”. Некоторые исследователи провозгласили наступление “эпохи популизма” (“*age of populism*”)¹ или заговорили о “популистском духе времени” (“*populist Zeitgeist*”) [Mudde 2004]. К разряду популистских эксперты причисляют как “левые” партии (греческую “Сириза” и испанскую “Подemos”), так и “правые” (вроде французского “Национального фронта” и Австрийской партии свободы), а также те движения, что с трудом поддаются классификации (например, итальянское “Движение пяти звезд”). Среди заметных “побед популизма” в западном мире чаще всего называют голосование за выход Великобритании из Евросоюза (*Brexit*) и избрание Д. Трампа на пост президента США в 2016 г. К феномену популизма также относят целый ряд политических режимов и правительств, склонных, как считается, к авторитаризму. Среди них “нелиберальные демократии” в Венгрии и Польше, латиноамериканские “конкурентные авторитаризмы” [Levitsky, Loxton 2013], правительство Н. Моди в Индии, персоналистский режим Р.Т. Эрдогана в Турции, правление президента Р. Дутерте на Филиппинах, а также ряд постсоветских автократий.

Даже поверхностное знакомство с этими примерами позволяет поставить вопрос: насколько оправданно описывать столь разнородные движения, события и режимы при помощи единого концепта? Есть и другая проблема, связанная с временным и географическим охватом понятия “популизм”. Например, можно ли считать русское народничество XIX в. и венесуэльский чавизм начала нынешнего столетия явлениями одного порядка, т.е. в равной мере “популистскими”? Так или иначе, в политической науке существует несколько конкурирующих подходов к пониманию популизма, и каждый из них придерживается разных дефиниций и критериев, позволяющих отделить “популизм” от того, что им не является.

Исследования популизма в России, по сути, только начались, и хотя бы поэтому не могут считаться систематическими [March 2017]. К тому же появившиеся трактовки данного феномена, на наш взгляд, в ряде аспектов спорны. Во-первых, в российском научном сообществе превалирует понимание популизма как сугубо дискурсивного (риторического) явления, используемого теми или иными политическими игроками в собственных целях, при недостаточном внимании к его содержательной роли в политическом процессе [Берелович 2018; Кынев 2018; Петров 2018]. Во-вторых, при конструировании типологий популизма в России и в странах Запада многие аналитики склонны предлагать обобщенные модели, не всегда учитывающие разнообразие форм этого феномена в российском контексте [Макаренко 2018; Медушевский 2018]. В-третьих, часто встречаются сугубо негативные оценки популизма как фактора, не способствующего демократии или препятствующего ее становлению в условиях авторитарного режима [Медушевский 2018; Петров 2018]. Настоящая статья представляет собой попытку хотя бы отчасти переосмыслить отмеченные особенности трактовки популизма и изложить, с опорой на политическую теорию, межстрановые сравнения и эмпирические данные, наше понимание данного явления в современном российском обществе.

Популизм — неоднозначное и широко дискутируемое понятие. Помимо академической литературы, оно постоянно встречается в политическом дискурсе и в СМИ. Зачастую политики и журналисты используют слово “популизм”

¹ Krastev I. The Populist Moment. — *Eurozine*. 18.09.2007. URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (accessed 30.07.2018).

в качестве стигмы, призванной дискредитировать политических оппонентов [Taguieff 1995]². В связи с этой и иными трудностями, о которых мы упомянули, некоторые исследователи сомневаются в том, что термин “популизм” вообще может служить категорией научного анализа [Brubaker 2017: 358; Moffit, Tormey 2014: 382; Mudde 2017: 27]. Другие не видят причины отказываться от использования этого понятия, но избегают давать ему формальные определения, вероятно, полагаясь на интуитивное понимание значения слова “популизм” (см. например [Kymlicka 2016]). Так или иначе, на данный момент политическая наука не в состоянии предложить “что-то вроде единой *теории* популизма”, а потому “у нас по-прежнему нет ясных критериев, позволяющих определить, в какой момент политические акторы становятся популистами в точном смысле этого слова” [Müller 2016: 2].

Во всем многообразии современной литературы можно выделить четыре наиболее влиятельных подхода к определению сущности и характерных черт популизма. Первый и самый популярный из них — идейный, или идеологический подход. В его рамках популизм рассматривается как набор идей или даже идеология в узком смысле слова (*thin-centered ideology*). Политолог К. Мюдде определяет популизм как “идеологию, представляющую общество разделенным на две гомогенные и противостоящие друг другу группы — ‘непогрешимый народ’ против ‘коррупцированной элиты’ (*‘the pure people’ versus ‘the corrupt elite’*), и настаивающую на том, что политика должна выражать общую волю (*volonté générale*) народа” [Mudde 2004: 543]. Некоторые исследователи, не соглашаясь с использованием концепта “идеология” применительно к популизму, предлагают иные дефиниции этого явления в рамках идейного подхода. Так, популизм может пониматься как особая форма политического мировоззрения или специфический тип политического воображения [Hawkins 2009; Müller 2016].

Другой авторитетный подход определяет популизм как политическую логику или дискурс. Данный подход восходит к мысли политического философа Э. Лакло [Laclau 1977; 2005a; 2005b], который теоретически осмыслял популизм как некую логику политического, состоящую в конституировании политического субъекта (народа) через разделение “социального пространства на два [противостоящих друг другу] лагеря: власть и угнетаемую сторону (*power and the underdog*)” [Laclau 2005b: 38]. Иными словами, популизм — это логика демаркации между тем, что “внутри” и “снаружи”, между “нами” и “ими”. Из этого вытекает понимание популизма как “дискурса, противостоящего статус-кво (*anti-status quo discourse*), который упрощает структуру политического пространства путем символического разделения общества на ‘народ’ (как ‘угнетаемую сторону’) и его ‘другого’ (*its ‘other’*)” [Panizza 2005: 3]³.

Согласно третьему подходу, популизм — это политический стиль. Авторы, придерживающиеся данного подхода, подчеркивают роль перформативных элементов (популистской) политики и тем самым дистанцируются от других подходов, включая логико-дискурсивный [Taguieff 1995; Moffitt, Tormey

² О доминировании негативной коннотации термина “популизм” свидетельствует и то, что политики, которых обычно называют “популистами”, сами себя в подавляющем большинстве случаев таковыми не считают. Они предпочитают иные самоидентификации: “патриоты”, “(истинные) демократы” и т.п.

³ Существуют и более прикладные дискурсивные подходы к изучению популизма, в основе которых лежит применение контент-анализа. Хотя эти подходы вырабатывают методики измерения популистского дискурса, они не способны предложить теоретической рамки для понимания популизма как такового [Moffitt, Tormey 2014: 285-286].

2014]. Однако, по мнению Р. Брубейкера, стилевой и дискурсивный подходы тесно связаны друг с другом, а потому более продуктивно говорить о “дискурсивно-стилевом повороте” (*discursive and stylistic turn*) в изучении популизма [Brubaker 2017]. Следовательно, популизм предлагается рассматривать как “дискурсивный и стилевой репертуар”. Так или иначе, главной задачей в рамках такого подхода становится выделение основных характеристик популистского стиля. Б. Моффит и С. Торми выделяют три ключевых элемента данного стиля: апелляция или призыв к народу (*appeal to “the people”*); восприятие (политической) реальности при помощи таких понятий, как “кризис”, “упадок” и “угроза”; и, наконец, так называемые *дурные манеры* (“*bad manners*”) вроде использования ругательств, политической некорректности или “вызывающего” поведения [Moffitt, Tormey 2014]. Р. Брубейкер, в свою очередь, считает ключевым элементом популистского репертуара “претензию (*claim*) на то, что [популисты] говорят и действуют от имени ‘народа’”, и добавляет несколько дополнительных признаков (среди них, в частности, протекционизм и ориентация на запросы и интересы большинства в ущерб меньшинству) [Brubaker 2017].

Наконец, четвертый подход к изучению популизма связан с пониманием последнего как политической стратегии, нацеленной на мобилизацию широких масс населения. Этот подход был разработан преимущественно на латиноамериканском материале. Один из его наиболее видных теоретиков, К. Вейланд, предлагает следующую дефиницию: популизм — это “политическая стратегия, при помощи которой персоналистский лидер стремится к завоеванию государственной власти или же осуществляет ее на основе прямой, неинституционализированной и лишённой посредников поддержки со стороны большого числа слабо организованных сторонников” [Weyland 2001: 14]. Р. Джансен понимает популизм как “метод политической практики”, нацеленный на мобилизацию “обычно маргинальных слоев общества, [вовлекаемых] в публичную и протестную политическую активность, которая сопровождается артикуляцией антиэлитарной, националистической риторики, возвышающей простой народ (*ordinary people*)” [Jansen 2011: 82].

Очевидно, что каждый из перечисленных подходов имеет как преимущества, так и существенные недостатки. Мы не можем дать их подробный сравнительный анализ и лишь кратко обозначим наиболее серьезные трудности, связанные с применением каждого из подходов. Идеиный подход, несмотря на предлагаемую им “минималистскую” дефиницию популизма и широкое применение в кросснациональных исследованиях [Mudde 2017], все же не уделяет значительного внимания мобилизационному измерению популизма. Логико-дискурсивный подход страдает излишней абстрактностью, поскольку в конечном счете не позволяет отделить популизм от политики вообще [Moffitt, Tormey 2014: 384; Arditi 2010]. Впрочем, это признавал и сам Лакло, утверждавший, что “ни одно политическое движение не свободно полностью от популизма” [Laclau 2005b: 47]. Стилевой подход к пониманию популизма, несмотря на свою гибкость при описании поведения политических акторов, вероятно, наиболее слаб в объяснительном отношении. С точки зрения этого подхода все политики или движения (как в странах с демократическим режимом, так и в автократиях) могут быть определены как *в той или иной степени* популистские. Более того, стилевое определение популизма игнорирует (или серьезно недооценивает) идейные и структурные компоненты популизма, например, его отношение к демократии. Наконец, ключевой недостаток подхода к популизму как мобилизационной

стратегии связан с тем, что сам по себе он не дает ответа на следующие вопросы: существует ли популизм вне периодов общественной мобилизации и возможен ли он без харизматических лидеров, стремящихся организовать массы?

Выбор в пользу того или иного подхода во многом обусловлен политико-культурными характеристиками отдельных обществ. Так, в странах с либерально-демократическим режимом популизм легче выделить (хотя и это не всегда возможно) по особенностям стиля поведения и риторики политиков. Но эти же подходы (стилевой и дискурсивный) имеют весьма ограниченную эвристическую ценность применительно к тем обществам, где политическая конкуренция серьезно ограничена или подавляется, а политическая культура и институты слабо развиты или вовсе имитируются. В таких условиях популизм как форма демагогии (с ее поведенческими и риторическими аспектами) стал чуть ли не повсеместным явлением. Данное обстоятельство в высокой степени относится к странам бывшего СССР, в том числе и к России [Кынев 2018]. Идеальный подход представляется здесь незаменимым, поскольку именно он позволяет отделить “последовательных” популистов от тех, кто лишь время от времени прибегает к “простонародной” риторике или “вызывающему” стилю поведения [March 2017].

Но одного идейного подхода было бы недостаточно. В условиях слабой укорененности культуры политического участия и дифференцированности идеологических предпочтений, неразвитой партийной системы и гражданского общества (все это характерно для современной России) подход к пониманию популизма как стратегии политической мобилизации приобретает особую значимость. Данная трактовка популизма подчеркивает роль лидеров, стремящихся воздействовать на общественное мнение с целью укрепления своего влияния и мобилизации сторонников, при том что эта мобилизация может выступать и в качестве инструмента оспаривания существующего политического порядка (популизм как сила протеста), и как средство завоевания власти в целях реализации политической программы (популизм как способ управления). Следовательно, мобилизационный подход позволяет провести различие между сугубо дискурсивными формами популизма (“популизм слова”) и такими его проявлениями, которые способны генерировать массовые протестные действия и опираться на них в политических целях (“популизм действия”).

Обратимся к теме, занимающей многих российских политологов, а именно к вопросу, кто из акторов российской политики подпадает под категорию популизма. Можно ли считать популистом Владимира Путина, а российский политический режим – популистским?

МНИМЫЙ ПОПУЛИЗМ И РЕАЛЬНЫЙ ЭЛИТИЗМ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

В либеральной прессе президента Владимира Путина часто сравнивают с зарубежными (и, в частности, западными) политиками, за которыми прочно закрепилась репутация популистов, например, с Марин Ле Пен, Виктором Орбаном и Дональдом Трампом [Lassila 2018: 177]. Подобные сравнения встречаются и в научной литературе. А. Берелович, сопоставляя риторику и поведение Владимира Путина, Сильвио Берлускони и Николая Саркози, приходит к заключению, что все трое – популисты [Берелович 2018]. Переходя от характеристики персоны российского лидера к возглавляемому им политическому режиму, С. Фиш пишет о “консервативной, популистской и персоналистской автократии” [Fish 2017: 61]. При этом в качестве элементов популистской составляющей российского режима политолог называет “безответственную

социальную политику (*reckless social spending*)” и “последовательное отрицание революции, гомосексуальности и феминизма” [ibid.: 62, 65]. Другой исследователь указывает на существование в современной России “*популизма сверху* (*populism from above*) – не оппозиционного, а системного” [Casula 2013: 10]. Наконец, А. Кынев и Н. Петров пишут о “популизме власти” в России, под которым понимаются надуманные или раздутые угрозы, раздача заведомо невыполнимых обещаний и разыгранные на публике действия (вроде наказания нерадивых чиновников) [Кынев 2018; Петров 2018].

Подобные оценки российского политического режима и фигуры президента Путина являются следствием нестрогих (популизм приравнивается к любым формам демагогии) или крайне размытых определений популизма. Если же мы обратим внимание не столько на особенности риторики и политического стиля тех или иных политических акторов, сколько на *структурные* факторы, которые определяют (по крайней мере, до некоторой степени) логику их действий, то мы получим совсем иную картину. Для наглядности ограничимся сопоставлением В. Путина и Д. Трампа.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что западные политики действуют в условиях политической конкуренции, используя популизм с его обязательной критикой истеблишмента как “таран” для завоевания власти. Именно так действовал Трамп во время президентской кампании 2016 г., выступая изначально как политический аутсайдер, антисистемный кандидат (так он воспринимался не только в Демократической, но и в Республиканской партии, от которой выдвигался). Но и став президентом, Трамп по-прежнему бросает вызов политической системе США, разные части которой этому сопротивляются: конгресс, суды и особенно пресса. Ничего похожего не наблюдается в России. Владимир Путин непрерывно находится на вершине власти с 2000 г. и получил очередной мандат, позволяющий ему до 2024 г. руководить государством. Российский лидер, как и его коллеги из Казахстана, Беларуси, Азербайджана и ряда других стран с авторитарным режимом, не нуждается в популизме для того, чтобы десятилетиями сохранять власть. Все ветви власти подчинены президенту, а общество ведет себя пассивно, проявляя равнодушие к демократическим идеалам. В отличие от Трампа, выступавшего с критикой политической элиты от имени недовольного, протестующего народа, Путин, как бессменный лидер страны, не критикует систему или истеблишмент. Напротив, он олицетворяет их, защищая от всех разновидностей протестной активности (например, поддержав своим авторитетом решение правительства о повышении пенсионного возраста). Пожалуй, лишь в одной сфере российский патерналистский режим условно подпадает под определение популистского – это сфера внешней политики. Здесь антиэлитизм, присущий популизму как политическому мировоззрению, канализируется в “бунт” против мирового истеблишмента, точнее, “гегемона” международной системы – США⁴. В этом смысле можно говорить о своего рода “геополитическом популизме” Кремля, который причудливым образом сочетается с элитистской внутренней политикой российского руководства.

Нынешний политический режим в России – это режим “имитационной демократии” [Фурман 2010], в котором формально существуют выборы,

⁴ Баунов А. Страна-диссидент. Что не так с глобальным бунтом России. – *Московский центр Карнеги*. 20.06.2017. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71286> (accessed 12.08.2018).

парламент, независимый суд, но все эти институты выступают лишь декорацией для авторитарного правления. Имитационная демократия нуждается и в *имитационном популизме* для своей внутренней легитимации. Поэтому и президент Путин демонстрирует множество внешних признаков популизма, если трактовать последний как дискурсивный репертуар или политический стиль [Петров 2018]⁵. Российский лидер напрямую “общается с народом” на ежегодных телевизионных прямых линиях; дает обещания “народу напрямую”, — поверх местных и региональных властей; регулярно использует простонародную риторику и иногда пренебрегает политкорректностью; активно участвует в конструировании образа внешнего врага (США и Запад в целом) и его прислужников внутри России (“иностранцы”, т.е. бескомпромиссные по отношению к власти НКО, либералы, “общественность”). Путин также возглавляет “Общероссийский народный фронт”, созданный в 2011 г. по его инициативе на фоне падения общественной поддержки партии “Единая Россия”: на президентских выборах 2018 г. он подчеркнуто выступил в статусе независимого кандидата. Но нет в этом имитационном популизме главного признака популизма реального — использования протестных настроений внутри страны для мобилизации масс на антиэлитной основе. В России такие настроения и особенно попытки радикальных оппозиционных движений и лидеров мобилизовать широкие слои населения против власти либо подавляются [Гельман 2015], либо канализируются в ненависть к внешнему врагу.

В еще большей мере признаки демонстративного популизма присущи партиям так называемой *системной оппозиции* и их многолетним лидерам. Эти признаки мы без труда обнаружим у двух старейших партий постсоветской России — ЛДПР и КПРФ, представленных в Думе с 1993 г. и более четверти века возглавляемых В. Жириновским и Г. Зюгановым соответственно. Обе партии претендуют на выражение воли народа: “либерал-демократы” подчеркивают национальные и социальные признаки народности (например, при помощи таких лозунгов как “Мы за бедных, мы за русских”), а коммунисты определяют себя как “партию патриотов” и “партию трудового народа”. Обе партии постоянно выступают против элиты, но не реальной элиты — “силовиков” (высших офицеров спецслужб, полиции и армии) и группы приближенных к президенту “олигархов”. Они выступают против воображаемой элиты — либералов, которые ныне в российской политике являются маловлиятельным меньшинством, а в парламенте не представлены вовсе. Даже когда ЛДПР, КПРФ и замыкающая тройку партий системной оппозиции “Справедливая Россия” выступают с критикой политики правительства, в обычных условиях они неспособны канализировать эту критику в политическую активность [Lassila 2018: 183; March 2012]. Впрочем, имитационный популизм в России — это явление эпохи консолидации авторитарного персоналистского режима. В 1990-е годы, когда существовала возможность реальной политической конкуренции, ЛДПР и особенно коммунисты выступали как реальная сила политического протеста, сила популистского типа, апеллирующая к массовому недовольству, к стереотипам и предрассудкам избирателя. Но и сегодня, как показал опыт губернаторских выборов в сентябре 2018 г., номинальная оппозиция может моментально перейти в режим конкурентной борьбы за власть при условии, что власть идет на непопулярные меры и демонстрирует некоторую слабость, а люди “наказывают” ее

⁵ Gurganus J. Putin’s Populism Trap. — *Carnegie Endowment for International Peace*. 21.11.2017. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/11/21/putin-s-populism-trap-pub-74788> (accessed 25.07.2018).

массовым голосованием за “легальную” оппозицию. Однако эти партии едва ли имеют долгосрочную перспективу, и если не исчезнут вовсе, то претерпят существенные изменения (включая смену лидеров и идеологии).

Для характеристики российского политического режима в гораздо большей степени, чем популизм, пригодно иное понятие — *элитизм*. Так же, как и популизм, элитизм исповедует своего рода “манихейское” видение политики, основанное на выделении двух противостоящих друг другу замкнутых групп — “народа” и “элиты”. Но по смыслу элитизм противоположен популизму, поскольку “считает элиту непогрешимой и добродетельной (*pure and virtuous*), а народ — порочным и развращенным (*impure and corrupt*)” [Mudde 2017: 34]. Другими словами, если популизм основан на заигрывании с “народом” (“народ всегда прав”, он не может ошибаться в принятии политических решений), то элитизм выражает презрение к “народу” как несостоятельному политическому субъекту, роль которого в политическом процессе должна быть ограничена или фактически сведена на нет⁶. Именно элитизм в сегодняшней России является доминирующей формой политического воображения, присущей значительной части российской элиты, притом как властной, так и оппозиционной.

Элитизм зиждется на представлении о неспособности народа к самоуправлению или адекватной оценке ситуации в силу обстоятельств природного или исторического характера. Это патерналистский элитизм власти, для которой народ — лишь объект управления, подданные. Их роль, по сути, сводится к пассивному наблюдению за политическим процессом и аккламации действий верховной власти. Блокируя любые формы несанкционированной и оппозиционной мобилизации, власть одновременно создает условия для *виртуальной* мобилизации населения на основе антизападничества и демонстративной лояльности лидеру-вождю [Паин, Гудков 2014]. На практике *элитарный патернализм* хорошо отражен в формальных и неформальных титулах постсоветских президентов, которых именуют “отцами народа” (“туркменбаши” в Туркмении, “елбасы” в Казахстане, “батька” в Беларуси).

В среде внепарламентской оппозиции к правящему в России режиму распространена иная форма элитизма — “снобистский элитизм”. Мы предлагаем использовать этот термин и полагаем, что данная разновидность элитистского дискурса характерна для либеральной среды. По нашему мнению она созвучна мысли Х. Ортеги-и-Гассета: “...массы, по определению, не должны и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уж о целом обществе...”⁷ [Ортега-и-Гассет 1989: 119]. Переходя от масс к индивидуальному тестированию, в наиболее радикальной форме эту констатацию переосмыслила Ю. Латынина, по мнению которой большинство россиян вообще неспособны к осмысленному политическому участию, а потому допускать их “до управления государством [можно] только после тестов на вменяемость”⁸. “Снобистский

⁶ Следует пояснить, что элитизм как идеологическая конструкция не всегда является апологией авторитаризма и отрицанием демократического правления. Он также может принимать форму “неполитической” (экспертной) демократии [Урбинати 2016]. Таким образом, в одних условиях элитизм выступает в качестве идеологического обоснования насаждения подданической политической культуры, а в других (при демократии) может проявляться как довод в пользу сужения роли волеизъявления граждан.

⁷ Ср. с авторским оригиналом или английским переводом: “Como las masas, por definición, no deben ni pueden dirigir su propia existencia, y menos regentar la sociedad...” или “As the masses, by definition, neither should nor can direct their own personal existence, and still less rule society in general...”.

⁸ Латынина Ю. Либеральный большевизм. — *Новая газета*. № 114. 07.10.2014. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/07/61463-liberalnyy-bolshevizm> (accessed 05.08.2018).

элитизм” в России выражается и в оскорбительных прозвищах, адресуемых представителями самопровозглашенной интеллектуальной элиты согражданам: “рабы”, “быдло”, “совки”, “ватники”. Психолог Л. Петрановская связывает склонность к воспроизводству сентенций о “нации рабов” с комплексами в сознании наиболее образованного и оппозиционного слоя российского общества [Петрановская 2016]. Впрочем, важно подчеркнуть, что “смесь пренебрежения и опаски” [Лэш 2002: 26], с которой новые элиты взирают на массы, не является специфически российским феноменом. Подобные проявления нетерпимого и высокомерного элитизма заметны во многих странах Запада, в частности, в связи с распространенными в элитарных кругах интерпретациями роста влияния национал-популистских сил [Паин, Федюнин 2018: 86-88].

Итак, под определение популизма не подпадает не только российский режим, но и силы оппозиции, как “системной”, так и либеральной. Но кого же тогда в современной России можно считать последовательным популистом?

АЛЕКСЕЙ НАВАЛЬНЫЙ КАК ПОПУЛИСТ

В российском политическом дискурсе популизм воспринимается крайне негативно, и его опасается большинство политических сил⁹. В последние годы, пожалуй, наибольшее количество обвинений в популизме было направлено в адрес Алексея Навального, причем как со стороны Кремля, так и со стороны либеральной оппозиции. Владимир Путин неоднократно сравнивал Навального (при этом принципиально не называя его имени) с Михаилом Саакашвили¹⁰ и таким образом указывал на опасность реализации в России сценария мирной революции, подобной тем, что произошли в Грузии, Украине, Киргизии, а позднее и в Армении. В стане демократической оппозиции фигура Навального также выступает объектом постоянной критики. Одни упрекают его в популизме, понимаемом как стратегия манипулирования массами с помощью раздачи несбыточных обещаний¹¹. Другие подчеркивают склонность Навального к “вождизму” (так, в частности, считает Ксения Собчак, выступавшая кандидатом на последних президентских выборах¹²). В оппозиционных медиа регулярно поднимается вопрос: не станет ли новый лидер народных масс еще более авторитарным вождем, чем Путин? Публицист Станислав Белковский еще в 2013 г. выдвинул лозунг: “Лучше Путин, чем Навальный”¹³.

Вне зависимости от этих оценок, в действительности существует несколько весомых причин, позволяющих отнести фигуру А. Навального к категории популистских лидеров. Во-первых, в качестве основного инструмента для

⁹ Президент Путин не раз говорил об опасности “безответственного популизма” оппозиции: Путин считает, что популизм в политике опасен, так как дезориентирует людей. – ТАСС. 13.12.2016. URL: <http://tass.ru/politika/3867498> (accessed 07.08.2018).

¹⁰ Гатинский А. Путин сравнил Навального с “бегающим по площадям Саакашвили”. – РБК. 14.12.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2017/5a326c7a9a7947629623b45f> (accessed 07.08.2018).

¹¹ Экономист Андрей Мовчан – об опасности авторитаризма в постпутинской России. – Знак. 13.07.2017. URL: https://www.znak.com/2017-07-13/ekonomist_andrey_movchan_ob_opasnosti_avtoritarizma_v_postputinskoy_rossii (accessed 30.07.2018).

¹² Собчак обвинила Навального в вождизме. – Новая газета. 23.09.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/09/23/135524-sobchak-obvinila-navalnogo-v-vozdizme> (accessed 05.08.2018).

¹³ Белковский С. Лучше Путин, чем Навальный. – Московский комсомолец. 04.09.2013. URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/09/04/910383-luchshe-putin-chem-navalnyi.html> (accessed 13.07.2018).

привлечения масс на свою сторону политик использует классическое для популизма противопоставление “хорошего народа” и “плохой элиты” (коррупцированной, авторитарной, эгоистичной, аморальной). В его политическом дискурсе российская элита (“жулики и воры”) предстает воплощением обмана избирателей и вездесущей коррупции, а “народ” выступает в качестве угнетаемой жертвы. В то же время сам Навальный называет себя “частью народа” [Магун 2014: 209] и выражает от его имени требования верховенства права и национального достоинства [Lassila 2016].

Во-вторых, Навальный (в отличие от большинства либеральных политиков) стремится к постоянному расширению своей аудитории и числа сторонников поверх идеологических и социальных различий [Laruelle 2014]. Всего за несколько лет ему удалось стать наиболее известным оппозиционным лидером и заметной фигурой в глазах большинства россиян: в 2017 г. более половины жителей страны (55%) утверждали, что знают о том, кто такой Алексей Навальный [Общественное мнение... 2018: 114]. Начав с обычного блога в “Живом Журнале” (ЖЖ), он фактически построил собственную медиаимперию (сайт *navalny.com*, личный канал на *YouTube*, канал прямых трансляций и др.) с многомиллионной аудиторией¹⁴. Риторика Навального проста и понятна рядовому обывателю; она позволяет аккумулировать недовольство разных категорий населения (молодежи, городского среднего класса, пенсионеров и др.) [Гудков 2018: 87-88].

Наконец, Навальный последовательно канализирует поддержку создаваемой им повестки в стратегию протестной мобилизации, открыто декларируя своей целью завоевание государственной власти, мобилизует своих сторонников при помощи активного присутствия в интернете, личного общения с гражданами и организации публичных акций.

Все перечисленные признаки – это элементы социального, или протестного популизма, выстроенного на вертикальной оппозиции “народ – элита”. Однако популизм может иметь и иное, национальное измерение (горизонтальная оппозиция “свои – чужие”) [Taguieff 1995; Brubaker 2017]. В связи с этим некоторые авторы [Laruelle 2014; Moen-Larsen 2014] небезосновательно подчеркивают присутствие националистической составляющей (главным образом в виде мигрантофобии и “антикавказских” высказываний) в дискурсе Навального и даже причисляют политика к национал-демократическому лагерю. Тем не менее мы не вполне согласны с такой оценкой. Во-первых, доля национал-популистского контента в риторике Навального незначительна и с годами падает [Паин 2014], тогда как социальный популизм превалирует, доля его растет, достигнув пика во время президентской кампании 2018 г. Во-вторых, те высказывания политика, которые обычно маркируются как “националистические”, не содержат требований коллективной ответственности, типичных для этнонационалистов. В его высказываниях о мигрантах или руководстве республик Северного Кавказа не заметно каких-либо проявлений русского этнического или культурного превосходства, и сосредоточены они на главной для политика теме – противодействии коррупции, в том числе в региональном разрезе. В-третьих, необходимо учитывать эволюцию взглядов Навального на национализм. Если в 2007 г. он выступал (в качестве одного

¹⁴ Юрченко В. Человек из Интернета. – *Новая газета*. 15.02.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/15/75520-chelovek-iz-interneta> (accessed 25.07.2018).

из основателей движения “Народ”) с идеей защиты интересов русских как “титульной нации” [Laguette 2014: 281], то в 2015 г. в беседах с польским диссидентом Адамом Михником он уже описывал свои взгляды как “гражданский национализм” [Михник, Навальный 2015]. Во время визита в Казань в 2017 г. политик говорил о “политической нации” в России, т.е. о необходимости надэтнической консолидации¹⁵. Изменилась и стратегия политика в отношении русского национализма. Несмотря на призывы к взаимодействию “с нормальными лидерами националистического движения”¹⁶, с 2012 г. он не появлялся на “русских маршах”. После присоединения Крыма в 2014 г. Навальный, в отличие от большинства русских националистов, выступил против войны на востоке Украины и проекта “Новороссия”. Последовавшая волна открытого давления на лидеров националистического движения сделала сотрудничество Навального с националистами слишком рискованным.

Итак, мы можем заключить, что фигура Алексея Навального соответствует определению популиста в строгом смысле слова. Навальный является харизматическим лидером антиэлитарного движения, действует от имени народа и стремится к постоянному увеличению числа своих сторонников, их консолидации и вовлечению в протестную политическую активность. Это движение сочетает в себе элементы социального и умеренного национал-популизма и имеет целью приход к власти его лидера для реализации проекта преобразований в масштабах государства. Но как оценить подобное движение с точки зрения перспективы демократизации? Способствует ли оно продвижению демократических норм в России или, напротив, только отдаляет ее от них?

ПОПУЛИЗМ КАК “УПРОЩЕННАЯ” ДЕМОКРАТИЯ

43

В современной литературе встречаются неоднозначные оценки отношения популизма к демократии. Одни авторы настаивают на том, что популизм по своей сути антидемократичен, поскольку противостоит принципам политического плюрализма, лежащим в основе современной демократии [Müller 2016]. Другие — как правило, с левых позиций, — защищают и даже превозносят популизм, считая его “подлинным голосом демократии” [Лэш 2002: 87]¹⁷. Однако большинство исследователей придерживаются более умеренной точки зрения, согласно которой популизм не выступает против демократии как таковой (если понимать демократию как реализацию доктрины народного суверенитета и правления большинства), но при этом не соответствует модели *либеральной демократии* [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017]¹⁸.

Мы исходим из утверждения, что взаимосвязь популизма и демократии неодинакова в разных социально-политических условиях. Российский кейс наглядно показывает, что “популизм действия” требует наличия хотя бы минимального уровня политического плюрализма. Неслучайно на постсоветском

¹⁵ Алексей Навальный: “Татары гордятся тем, что они татары, давайте их расцелуем за это!”. — *Бизнес Online*. 09.03.2017. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/339269> (accessed 05.08.2018).

¹⁶ Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ. — *Lenta.ru*. 04.11.2011. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/> (accessed 25.07.2018).

¹⁷ См. также Furedi F. Populism: A Defence. — *Spiked Review*. 2016. URL: <http://www.spiked-online.com/Spiked-Review/Article/Populism-A-Defence/19042> (accessed 30.07.2018).

¹⁸ См. также Krastev I. The Populist Moment. — *Eurozine*. 18.09.2007. URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (accessed 30.07.2018).

пространстве популистские движения главным образом проявились в наиболее плюралистических странах региона (Украина и Грузия, в меньшей степени Молдавия и Армения), но также в условиях “электоральных демократий” (Россия и Беларусь в 1990-е годы) или же в ходе падения политических режимов в результате цветных революций [March 2017: 222; Рябов 2018].

Итак, влияние популизма на демократию нельзя назвать однозначным. В разных условиях популизм может как способствовать демократизации общества, так и приводить к эрозии демократических институтов [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017: 86-96]. Популизм способен сыграть позитивную роль при переходе от авторитарных режимов к “электоральной” или “минимальной” демократии. В то же время приход популистов к власти в странах с либерально-демократическим режимом может привести к существенному ослаблению его основ (хотя едва ли означает скатывание в авторитаризм, как часто утверждают, например, противники Д. Трампа). Так или иначе, проявления популизма в либеральных демократиях в качестве влиятельной силы, опирающейся на широкую социальную поддержку, нельзя назвать исключительно негативным феноменом. Он может иметь и ряд позитивных последствий, как то: выявление “обоснованного беспокойства” части общества, скрывающегося за внешней оболочкой нетерпимости и ксенофобии¹⁹, вовлечение целых категорий граждан в политический процесс или содействие повышению подотчетности демократической системы [Mudde, Rovira Kaltwasser 2017: 83-84].

В тех же обществах, где культура политического участия слабо укоренена, а правящая элита не привыкла действовать по демократическим правилам, популизм нередко содействует первым шагам к демократии. Так, выход из коммунистической системы и становление демократии в Польше в конце 1980-х годов неразрывно связаны с именем Леха Валенсы. В отличие от большинства своих соратников по профсоюзу “Солидарность”, он и как лидер протеста, и как избранный президент Польши (1990-1995 гг.) демонстрировал явные признаки популизма [Wysocka 2009]. Постсоветская Россия также сделала первые шаги к демократии в начале 1990-х годов при правлении популиста Бориса Ельцина, а успех либеральных реформ и достижения в противодействии коррупции в Грузии 2000-х годов во многом обязаны президенту-популисту Михаилу Саакашвили. То же можно сказать и о мирной революции в Армении (весна 2018 г.) во главе с ее неформальным, “народным” лидером – Николом Пашиняном. Интересно отметить, что ко всем перечисленным политикам в странах Запада относились или относятся с симпатией, а потому “популистами” их, как правило, не называют (в силу уже отмеченной негативной коннотации термина), предпочитая выражения вроде “лидер демократического движения”.

Вопреки утверждениям самих популистов, популизм не является воплощением демократии *par excellence*. На самом деле он транслирует особое видение демократии, ее “упрощенную” форму. По мнению П. Розанваллона, популизм можно рассматривать как тройное упрощение современной демократии²⁰. Во-первых, политическое и социологическое упрощение состоит в определении “народа” как якобы очевидного субъекта, конституируемого при помощи его противопоставления “элите”. Второе упрощение связано

¹⁹ Sandel M. Populism, Trump, and the Future of Democracy. – *Open Democracy*. 09.05.2018. URL: <https://www.opendemocracy.net/michael-j-sandel/populism-trump-and-future-of-democracy> (accessed 13.08.2018).

²⁰ Rosanvallon P. Penser le populisme. – *La vie des idées*. 27.09.2011. URL: <http://www.laviedesidees.fr/Penser-le-populisme.html> (accessed 10.08.2018).

с процедурами и институтами: популисты с недоверием относятся к институту представительства и промежуточным институтам, таким как правосудие, и отдают предпочтение формам прямой демократии (например, референдуму). Наконец, популизм проповедует упрощенную версию социальных связей и участвует в конструировании негативной идентичности, противостоящей иммигрантам, исламу или коррумпированной элите.

Впрочем, упрощения не всегда имеют лишь негативные следствия; это не всегда ухудшение, порча чего-либо. Упрощение — это еще и способ облегчить поиск решения сложных проблем. Так, упрощенные представления о демократии, транслируемые популистскими лидерами, помогают “приживить” основы демократической культуры в авторитарных и поставторитарных условиях, когда такая культура не существовала прежде или была утрачена. Точнее говоря, ценности демократии и либерализма (гражданские свободы, равенство перед законом и др.) нередко воспринимаются в процессе национальной мобилизации, на волне высокого эмоционального подъема и при наличии харизматического лидера. Л. Валенса для мобилизации использовал идею восстановления независимости Польши путем ее выхода из-под ига Советской империи, наряду с идеей “поляк в поляка не стреляет”, сформулированной еще во время первых забастовок в 1980 г. (и хотя этот лозунг мало соответствовал исторической реальности, он все же способствовал предотвращению кровопролития при переходе власти от коммунистической диктатуры к демократическому правительству). Б. Ельцин в начале 1990-х годов провозгласил идею возвращения России в лоно “семи цивилизованных народов” — европейских демократических стран, и этот лозунг на первом этапе способствовал поддержке проводимых российским правительством реформ. В Грузии “революция роз”, возглавляемая М. Саакашвили, опиралась на два ключевых требования — проведения антикоррупционных реформ и восстановления территориальной целостности страны (возвращения под ее контроль Абхазии, Абхазии и Южной Осетии). Второй запрос не мог реализоваться в полном объеме, но на какое-то время позволил сплотить население республики: реформы государственной власти люди терпели, тогда как восстановления территориальной целостности с надеждой ждали. Программа Н. Пашиняна сочетает в себе проекты антикоррупционных и либеральных преобразований Армении с идеями, затрагивающими национальное достоинство армян: международное признание Арцаха (Нагорного Карабаха) и репатриация армян в Армению. Обе идеи кажутся в значительной мере утопическими, но сохраняют чрезвычайную привлекательность в армянском обществе.

Популистская риторика всегда замешана на несбыточных обещаниях, точнее, на тех из них, которые не подкреплены анализом реальных возможностей. Это обстоятельство, наряду с очень высокой ролью лидера (потенциальный вождизм), является врожденным пороком популистских движений. Некоторые из них с приходом к власти трансформируются в авторитарные и даже диктаторские режимы (таких примеров немало в Латинской Америке, также можно обратить внимание и на постсоветскую Беларусь). Вместе с тем популизм как проект “упрощенной демократии” может быть той соломинкой, за которую способны ухватиться страны без демократической традиции и с неработающими государственными институтами, вытесняемыми обширной сетью патрон-клиентских отношений [Хейл 2015]. Да и вождистская составляющая большинства популистских движений не является однозначным препятствием для демократизации²¹.

²¹ Шимов Я. 2017. Противовес Навальному появится сразу. — *Радио Свобода*. 19.06.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28623381.html> (accessed 03.08.2018).

Так или иначе, при любом сценарии будущего России, предполагающем демократические перемены, ключевая роль наверняка будет принадлежать не оппозиционерам-маргиналам и столичным “политическим снобам”, а популистам в самом точном смысле этого слова. Иначе говоря, тем лидерам, которые провозгласят себя и свои движения воплощением народа, выразят от его имени недоверие сложившейся политической элите и предложат образ привлекательного “завтра”.

DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04

POPULISM AND ELITISM IN CONTEMPORARY RUSSIA

E.A. Pain¹, S.Yu. Fediunin²

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

²National Institute of Oriental Languages and Civilizations. Paris, France

PAIN, Emil Abramovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Research Professor, National Research University Higher School of Economics, email: painea@mail.ru; FEDIUNIN, Sergei Yur'evich, Ph.D. Candidate, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (INALCO), email: sergei.fedunin@inalco.fr

Pain E.A., Fediunin S.Yu. Populism and Elitism in Contemporary Russia. – Polis. Political Studies. 2019. No. 1. P. 33-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.04>

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 15-18-00064) at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. The authors are also grateful to two anonymous reviewers for their helpful comments on earlier drafts of this article.

Received: 17.08.2018. Accepted: 24.10.2018

Abstract. In light of the recent political tendencies in multiple regions across the globe, including Europe and Northern America, populism has become one of the most prominent subjects of research among political scientists. However, in Russia populism studies still remain unsystematic, and many scholars tend to define populism as “rhetoric”, while paying little attention to its role in the political process. By contrast, we argue that one should combine an ideational approach with an approach considering populism as a strategy of political mobilization in order to grasp the populist phenomenon in the Russian context. By focusing on the main political actors in today’s Russia, who are often described as populists, we seek to clarify the relationship between two forms of modern demagoguery, i.e. populism, based on the flattering of “the people”, and elitism which disdains “the people” in one or another way. Thus, we demonstrate that the major problem in Russia is elitism, not populism. On the other hand, we argue that populism is not an essentially negative phenomenon and can have positive impacts on the political process both in liberal democracies and non-democracies. Instead of regarding populism as a dangerous threat to democracy, it is more fruitful to consider it as a “simplified” vision of democracy. As such, populism, both in its social and national forms, can contribute to spread basic democratic principles among the population under authoritarian and post-authoritarian conditions, when political pluralism is significantly restrained, ideological attitudes are poorly differentiated, and civil society is weak.

Keywords: Russia, populism, elitism, democracy, authoritarianism.

References

- Arditi B. 2010. Populism is Hegemony is Politics? On Ernesto Laclau’s *On Populist Reason*. – *Constellations*. Vol. 17. No. 3. P. 488-497. <http://www.doi.org/10.1111/j.1467-8675.2010.00587.x>
- Brubaker R. 2017. Why Populism? – *Theory and Society*. Vol. 46. No. 5. P. 357-385. <http://www.doi.org/10.1007/s11186-017-9301-7>
- Casula P. 2013. Sovereign Democracy, Populism, and Depoliticization in Russia: Power and Discourse During Putin’s First Presidency. – *Problems of Post-Communism*. Vol. 60. No. 3. P. 3-15.
- Fish M.S. 2017. What is Putinism? – *Journal of Democracy*. Vol. 28. No. 4. P. 61-75.
- Hawkins K. 2009. Is Chávez Populist? Measuring Populist Discourse in Comparative Perspective. – *Comparative Political Studies*. Vol. 42. No. 8. P. 1040-1067. <http://www.doi.org/10.1177/0010414009331721>
- Jansen R. 2011. Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism. – *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 2. P. 75-96. <http://www.doi.org/10.1111/j.1467-9558.2011.01388.x>
- Kymlicka W. 2016. Defending Diversity in an Era of Populism: Multiculturalism and Interculturalism Compared. – *Multiculturalism and Interculturalism: Debating the Dividing Lines*. Ed. by N. Meer, T. Modood, R. Zapata-Barrero. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 158-177.

- Laclau E. 1977. *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism, Fascism, Populism*. London: NLB. 203 p.
- Laclau E. 2005a. *On Populist Reason*. London and New York: Verso. 276 p.
- Laclau E. 2005b. Populism: What's in a Name? — *Populism and the Mirror of Democracy*. Ed. by F. Panizza. London and New York: Verso. P. 32-49.
- Laruelle M. 2014. Alexei Navalny and Challenges in Reconciling “Nationalism” and “Liberalism”. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 4. P. 276-297. DOI: 10.1080/1060586X.2013.872453
- Lassila J. 2016. Aleksei Naval'nyi and Populist Re-ordering of Putin's Stability. — *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 1. P. 118-137. <http://www.doi.org/10.1080/09668136.2015.1120276>
- Lassila J. 2018. Putin as a Non-populist Autocrat. — *Russian Politics*. Vol. 3. No. 2. P. 175-195. <http://www.doi.org/10.1163/2451-8921-00302002>
- Levitsky S., Loxton J. 2013. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. — *Democratization*. Vol. 20. No. 1. P. 107-136. <http://www.doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- March L. 2012. The Russian Duma ‘Opposition’: No Drama out of Crisis? — *East European Politics*. Vol. 28. No. 3. P. 241-255. <http://www.doi.org/10.1080/21599165.2012.687688>
- March L. 2017. Populism in the Post-Soviet States. — *The Oxford Handbook of Populism*. Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo and P. Ostiguy. Oxford: Oxford University Press. P. 214-231.
- Moffitt B., Tormey S. 2014. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style. — *Political Studies*. Vol. 62. No. 2. P. 381-397. <http://www.doi.org/10.1111/1467-9248.12032>
- Moen-Larsen N. 2014. “Normal Nationalism”: Alexei Navalny, LiveJournal and “the Other”. — *East European Politics*. Vol. 30. No. 4. P. 548-567. <http://www.doi.org/10.1080/21599165.2014.959662>
- Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist. — *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 541-563. <http://www.doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde C. 2017. Populism: An Ideational Approach. — *The Oxford Handbook of Populism*. Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo and P. Ostiguy. Oxford: Oxford University Press. P. 27-47.
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2017. *Populism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press. 131 p.
- Müller J.-W. 2016. *What Is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 123 p.
- Panizza F. 2005. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy. — *Populism and the Mirror of Democracy*. Ed. by F. Panizza. London and New York: Verso. P. 1-31.
- Taguieff P.-A. 1995. Political Science Confronts Populism: From a Conceptual Mirage to a Real Problem. — *Telos*. No. 103. P. 9-43. <http://www.doi.org/10.3817/0395103009>
- Weyland K. 2001. Clarifying a Contested Concept: “Populism” in the Study of Latin American Politics. — *Comparative Politics*. Vol. 34. No. 1. P. 1-22. <http://www.doi.org/10.2307/422412>
- Wysocka O. 2009. Populism in Poland: In/visible Exclusion. — *Institut für die Wissenschaften vom Menschen*. Junior Visiting Fellows' Conferences. Vol. 26. URL: <http://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxvi/populism-in-poland/> (accessed 30.07.2018).
- Berelowitch A. 2018. Tri populista — Putin, Berlusconi, Sarkozy [Three Populists — Putin, Berlusconi, Sarkozy]. — *Populizm kak obshchiiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 67-79. (In Russ.)
- Furman D. 2010. *Dvizhenie po spirali: Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugikh sistem* [The Spiral Movement: Russian Political System among Other Political Systems]. Moscow: Ves Mir Publishers. 168 p. (In Russ.)
- Gel'man V. 2015. Politics of Fear: How the Russian Regime Counters its Opponents. — *Kontrapunkt*. No. 1. (In Russ.) URL: <http://www.counter-point.org/64-2/> (accessed 10.08.2018).
- Gudkov L. 2018. Populizm i rossiyskoe obshchestvo: korni, osobennosti, perspektivy [Populism and Its Place in Russian Society: Roots, Peculiarities, Perspectives]. — *Populizm kak obshchiiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 80-89. (In Russ.)
- Hale H. 2015. Nationalism and Cynicism in Politics: Is There a Contradiction? — *Kontrapunkt*. No. 2. (In Russ.) URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2015/12/hale_counterpoint2.pdf (accessed 10.08.2018).
- Kynev A. 2018. Elektoral'nyy populizm na rossiyskikh vyborakh [Electoral Populism during Russian Elections]. — *Populizm kak obshchiiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 102-113. (In Russ.)
- Lasch C. 2002. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. (Russ. ed.: Lasch C. *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii*. Moscow: Logos, Progress. 224 p.)
- Magun A. 2014. The Russian Protest Movement of 2011-2012: A New Middle Class Populism. — *Stasis*. Vol. 2. No. 1. P. 192-226. (In Russ.)
- Makarenko B. 2018. Populizm i politicheskie instituty: sravnitel'naya perspektiva [Populism and Political Institutions: A Comparative Perspective]. — *Populizm kak obshchiiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 27-36. (In Russ.)
- Medushevskiy A. 2018. Populizm na Zapade i v Rossii: skhodstva i razlichiya v sravnitel'noy perspective [West and in Russia: A Comparative Perspective of Similarities and Differences]. — *Populizm kak obshchiiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 47-57. (In Russ.)
- Michnik A., Navalny A. 2015. *Dialogi* [Dialogs]. Moscow: New Publishing House. 104 p. (In Russ.)

Obshchestvennoe mnenie 2017: Yezhegodnik [Public Opinion 2017: Annual Report]. 2018. Moscow: Levada Center. 244 p. (In Russ.)

Ortega y Gasset J. 1989. Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. — *Voprosy filosofii*. No. 3. P. 119-154. (In Russ.)

Pain E., Gudkov L. 2014. V ozhidanii chuda: rossiyskoe obshchestvo posle krymskikh sobytiy [Waiting for a Miracle: Russian Society after the Crimean Events]. — *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 1. P. 69-74. (In Russ.)

Pain E. 2014. Sovremennyy russkiy natsionalizm v zerkale runeta [Contemporary Russian Nationalism in the Mirror of Runet]. — *Rossiya — ne Ukraina: sovremennyye aktsenty natsionalizma* [Russia is not Ukraine: New Aspects of Nationalism. Ed. by A. Verkhovskiy]. Moscow: Sova Center. P. 8-31 (In Russ.)

Pain E., Fediunin S. 2018. Nation and Democracy. Article 2. The Illusion of a “Postnational” World and the Crisis in Western Democracies. — *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*. No. 1. P. 82-99. (In Russ.)

Petranovskaya L. 2016. The Professor Preobrazhensky’s Complex. A “Nation of Slaves” and the Intelligentsia’s Burden. — *Spektr*. (In Russ.) URL: <http://spektr.press/kompleks-professora-preobrazhenskogo-naciya-rabov-i-bremya-intelligenta/> (accessed 30.07.2018).

Petrov N. 2018. Evolyutsiya populizma v rossiyskoy politike [The Evolution of Populism in Russian Politics]. — *Populizm kak obshchiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. P. 90-101. (In Russ.)

Ryabov A. Prichiny pod’ema populizma v razvitykh stranakh i yego otsutstviya na postsovetском prostanstve [The Reasons for the Rise of Populism in Developed Countries and Its Absence in the Post-Soviet Space]. — *Populizm kak obshchiy vyzov* [Populism as a Common Challenge. Ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov]. Moscow: Political encyclopedia. 2018. P. 37-46. (In Russ.)

Urbinati N. 2016. Democracy Disfigured. Opinion, Truth, and the People. (Russ. ed.: Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mneniye, istina i narod*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 448 p.)

Литература на русском языке

Берелович А. 2018. Три популиста — Путин, Берлускони, Саркози. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 67-79.

Гельман В. 2015. Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам. — *Контрапункт*. № 1. URL: <http://www.counter-point.org/64-2/> (accessed 10.08.2018).

Гудков Л.Д. 2018. Популизм и российское общество: корни, особенности, перспективы. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 80-89.

Кынев А.В. 2018. Электоральный популизм на российских выборах. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 102-113.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Логос, Прогресс. 224 с.

Магун А. 2014. Постсетное движение 2011-2012 годов в России: новый популизм среднего класса. — *Stasis*. Т. 2. № 1. С. 192-226.

Макаренко Б.И. 2018. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 27-36.

Медушевский А.Н. 2018. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 47-57.

Михник А., Навальный А. 2015. *Диалоги*. М.: Новое издательство. 104 с.

Общественное мнение 2017: Ежегодник. 2018. М.: Левада-Центр. 244 с.

Ортега-и-Гассет Х. 1989. Восстание масс. — *Вопросы философии*. № 3. С. 119-154.

Паин Э.А., Гудков Л.Д. 2014. В ожидании чуда: российское общество после крымских событий. — *Политическая концептология*. № 1. С. 69-74.

Паин Э.А. 2014. Современный русский национализм в зеркале рунета. — *Россия — не Украина: современные акценты национализма*. Сост. А. Верховский. М.: Центр “Сова”. С. 8-31.

Паин Э.А., Федюнин С.Ю. 2018. Нация и демократия. Статья 2. Иллюзии “постнационального” мира и кризис западных демократий. — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 82-99.

Петрановская Л. 2016. Комплекс профессора Преображенского. “Нация рабов” и бремя интеллигента. — *Spektr*. URL: <http://spektr.press/kompleks-professora-preobrazhenskogo-naciya-rabov-i-bremya-intelligenta/> (accessed 30.07.2018).

Петров Н.В. 2018. Эволюция популизма в российской политике. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 90-101.

Рябов А.В. 2018. Причины подъема популизма в развитых странах и его отсутствия на постсоветском пространстве. — *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 37-46.

Урбинати Н. 2016. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. М.: Изд-во Института Гайдара. 448 с.

Фурман Д. 2010. *Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем*. М.: Весь Мир. 168 с.

Хейл Г. 2015. Национализм и цинизм в политике: есть ли противоречие? — *Контрапункт*. № 2. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2015/12/hale_counterpoint2.pdf (accessed 10.08.2018).